

Цэнь Цзяхао:

— Сестра, я был неправ, сестра! Я и Цэнь Цзяхао, эй, мы абсолютно не связаны. Не веришь — спроси Цэнь Цзяхао. Если она осмелится сказать, что у нас есть связь, я... я тогда перед тобой на колени встану.

Мама Цэнь:

— Сколько тебе нужно денег? Говори прямо. Не пытайся со мной сблизиться, я это не уважаю.

Затем Цэнь Цзяхао с радостью запросил 10 000 000, ожидая, что родная мама быстро переведет деньги, открывая ему путь к возвращению в жизнь богатого наследника.

Но в следующую секунду его выгнали с холодной насмешкой.

Разозлившись, Цэнь Цзяхао вернулся домой и, обняв Ань И, начал рыдать:

— Обещали, что богатые щедры, а оказалось, что это всё вранье, нельзя верить!

Короткая сцена с минимумом диалогов, но идеально передала стремление Цэнь Цзяхао к деньгам.

Хань Сюнь показал измененный сценарий Вэнь Хэшаню.

Этот режиссер, мастерски владеющий техникой съемки комедий, после прочтения новой сцены неожиданно заколебался.

— Сяо Хань, почему ты решил добавить этот эпизод? — спросил он.

Хань Сюнь подумал, что это всё из-за того, что образ злой свекрови Рекса глубоко засел в сознании и пробудил бесконечное желание выразить это, что привело к появлению сцены, где мама превращается в злую свекровь и дает пощечину собственному сыну.

Но Хань Сюнь не осмелился сказать это и солгал:

— Просто вдруг пришло в голову.

Вэнь Хэшань, глядя на сценарий и поглаживая бороду, сказал:

— Снять это можно, но, возможно, при монтаже, учитывая плавность фильма, её придется вырезать.

Поскольку все сцены еще не сняты, Вэнь Хэшань не мог гарантировать, что эта добавленная сцена достигнет желаемого эффекта.

Хань Сюнь сказал:

— Старейшина Вэнь, если вы считаете, что это неуместно, просто скажите, я не обижусь.

Вэнь Хэшань рассмеялся:

— Это не вопрос уместности, я просто не могу сейчас оценить, подходит ли это. Раньше при съемках фильмов часто приходилось вырезать десятки сцен, поэтому снимать больше сцен — это всегда лучше, на всякий случай. Мне просто любопытно, раньше ты тщательно продумывал

сюжетные узлы и многократно их редактировал, а сейчас вдруг появилось вдохновение.

Хань Сюнь улыбнулся, но ничего не сказал, лишь повторил, что это было спонтанно.

Однако в душе он чувствовал беспокойство.

Хотя он говорил, что ему всё равно, капризный и высокомерный Рекс действительно повлиял на него.

Если он продолжит находиться рядом с этим внешне привлекательным, но странным парнем, он может потерять способность правильно оценить, подходит ли исполнение Сун Цзяня для роли Цэнь Цзяхао.

Ведь изменения Сюй Сымяо он видел ясно.

Тот легкомысленный и ветреный меценат, после появления Рекса, стал казаться чужим.

Возможно, это было влияние безрассудного обожания Рекса, или же напряжение, вызванное консорциумом Эйлофф в Великобритании, затянуло расслабленные нервы Сюй Сымяо.

Даже дома Сюй Сымяо не принимал расслабленной позы, всегда сидел прямо на диване, словно на заседании совета директоров.

Внезапно Хань Сюнь начал задумываться: может, мне стоит переехать в отель, чтобы избежать влияния драмы братьев из богатой семьи, иначе «Я не хочу работать» превратится в драму (несмешную) о богатых семьях.

Эта мысль не давала ему покоя, и он решил обсудить это с Сюй Сымяо, собрать вещи и уехать.

Однако, вернувшись на виллу, он не нашел Сюй Сымяо, а позвонив ему, услышал голос телохранителя.

— Господин Сюй и молодой господин Эйлофф вышли в море, — сказал телохранитель.

Их братская лодка, включив полный ход, умчалась в открытое море, где они, поддаваясь течению, с удовольствием наслаждались видом.

Сюй Сымяо, подняв руку козырьком к глазам, с восторгом сказал:

— Рекс, посмотри, отсюда видно нашу виллу, та выступающая часть на горе — это площадка для запуска моего воздушного шара.

Рекс, глядя на маленькую виллу на берегу, не понимал, чему тут радоваться.

Семья Эйлофф владела множеством частных островов по всему миру, и любая вилла для отдыха на них была в десятки раз больше этой лесной виллы, не говоря уже о площадке для воздушного шара — даже частные аэропорты были стандартом.

Рексу было неинтересно смотреть на скучные пейзажи вокруг, и он спросил:

— Даниэль, ты говорил, что вернешься, как только разберешься с Сюй Гочаном. Но теперь киноиндустрия «Аофа» уже твоя, Сюй Гочан наказан, так почему ты всё еще не возвращаешься?

Почему?

Сюй Сымяо не задумывался над этим вопросом.

Ему было комфортно жить в Китае, вокруг были знакомые языки, по телевизору показывали шутки, понятные только китайцам, а Хань Сюнь писал интересные истории и часто смотрел с ним классические фильмы.

Он, в отличие от матери и Рекса, родился на этой земле, как и его дед, с кровной связью, которую невозможно разорвать.

Даже если семья Сюй не оставила ему хороших воспоминаний, живя здесь, его душа испытывала умиротворение.

Он мог отказаться от недобрых приглашений, не участвовать в светских мероприятиях, не обращать внимания на взгляды СМИ и давление со стороны консорциума Эйлофф.

Единственное, что его не устраивало, — это необходимость ходить на работу.

Возможно, как писал Хань Сюнь в «Вкусном сердце», китаец, преодолевший тысячи миль, чтобы оказаться на чужой земле, обнаружил, что это его родная земля.

Для Сюй Сымяо это ощущение было особенно глубоким.

Он облокотился на борт лодки, прищурившись от яркого солнечного света, и с улыбкой сказал:

— Рекс, есть выражение «листья падают к корням дерева», что означает, что как бы высоко ни росло дерево, его листья всё равно упадут к корням. Это метафора для человека, живущего на чужбине, который в конце концов возвращается на родину.

Рекс внезапно почувствовал тревогу.

Он любил китайские идиомы, краткие и глубокие, но никогда раньше он не ощущал такой печали и тоски, скрытой в обычном выражении о падающих листьях.

Когда Сюй Сымяо с улыбкой говорил, что вернется один, чтобы разобраться с Сюй Гочаном и отомстить за мать, Рекс не чувствовал такой тревоги.

Но когда новости о киноиндустрии «Аофа» попали на его стол, он даже спросил Сюй Сымяо:

— Когда ты вернешься?

— Подожди еще немного.

— Еще немного.

И снова и снова, даже вернувшись в Лондон, Сюй Сымяо уезжал через два дня.

Как будто это место, где он прожил больше десяти лет, больше не было его домом.

Рекс с беспокойством сказал:

— Брат, ты не вернешься в Великобританию? Это наш дом.

Сюй Сымяо рассмеялся. Рекс был упрям и редко называл его братом.

Но его ответ был жестоко прямолинеен:

— Три четверти моей крови принадлежат Китаю, поэтому мое возвращение в Китай — это возвращение к корням. Это мой дом.

— Семья Сюй уже пала, и они никогда не считали тебя родным! У тебя в Китае больше нет дома! — с гневом сказал Рекс. Семья Сюй была настолько мерзкой, что он не понимал, что здесь могло удерживать Сюй Сымяо.

— Я говорю не о семье Сюй, — Сюй Сымяо почувствовал, что Рекс всё такой же милый. — Я говорю, что здесь я создам семью, найду свое место... Тогда мама, возможно, согласится стать частью семьи Эйлофф.

Семья Росс состояла только из него и матери. Как только они станут британскими подданными, Эмма Росс станет Эммой Эйлофф.

Мать изо всех сил старалась избежать того, чтобы семья Росс осталась только с Сюй Сымяо.

Она постоянно говорила, что не любит Адриана, но в глубине души уже полюбила этого мужчину.

Рекс был плодом их любви, и, следуя требованиям матери, он воспитывался в духе семьи Росс, с упором на китайскую культуру, но он был ребенком Адриана Эйлоффа, рожденным с этой желанной фамилией.

Однако китайская кровь семьи Росс уже прервалась, Сюй Сымяо никогда официально не становился британским подданным, и, кроме Эммы Росс, в мире больше не было семьи Росс.

Настойчивость матери только раздражала Адриана, но она продолжала настаивать, чтобы ребенок, который уже привык к имени Даниэль Росс, не чувствовал себя одиноким.

Сюй Сымяо улыбнулся:

— Мама станет частью семьи Эйлофф, и вы трое станете счастливой семьей Эйлофф. Разве это не прекрасно?

Но лицо Рекса выражало шок и печаль:

— Трое? Мы больше не братья?

Сюй Сымяо с грустной улыбкой обнял своего брата:

— Плакса, мы всегда будем братьями.

<http://bllate.org/book/16443/1491173>